

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА В ТЕКСТАХ ПАВЛА УЛИТИНА NARRATIVE TECHNIQUES IN PAVEL ULITIN'S TEXTS

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать основные особенности нарратива в текстах Павла Улитина. Дано определение нарратива, рассмотрены основные виды нарратива и особенности так называемой монтажной прозы, к которой относятся тексты произведений писателя.

Ключевые слова: Павел Улитин; нарратив; «монтажная проза»; интертекстуальность; постмодернизм.

Abstract: The article attempts to analyze the main features of the narrative in Pavel Ulitin's texts. The definition of narrative is given, and the main types of narrative and the features of the so-called montage prose are considered.

Keywords: Pavel Ulitin; narration; montage prose; intertextuality; postmodernism.

Самиздатский советский писатель Павел Улитин (1918–1986) лишь в последние десятилетия стал известен широкому кругу читателей. Его проза была революционной для своего времени. М. Айзенберг писал: «Улитин знал несколько иностранных языков, свободно читал и писал по-английски, любил Джойса. Но принципы его прозы совсем иные. Когда заговаривают о каком-то новом явлении, обычно спрашивают: на что это похоже? На что похожа проза Улитина? Невозможно ответить. На след самолета в пустом летнем небе. [...] "Русский Джойс" так и не дождался публикации (в России) ни одного из своих текстов. Когда органы госбезопасности изъяли у него все рукописи и заметки в 1962, Улитин отметил в своих записях: "Настоящее продолженное, как в кино: ЛЕЙТЕНАНТЫ ПРОВЕРЯЮТ МАНУСКРИПТЫ. Читатели пришли, пришли читатели"» [1].

И. Кукулин отмечает, что произведения Улитина могут быть описаны как монтаж цитат из книг, буквальных или переиначенных записей чужих разговоров, фрагментов внутреннего монолога без указаний на повод этого «монолога» [6]. Улитинский монтаж представляет собой рваное, неровное письмо с постоянно меняющимся рассказчиком. Это одновременно пример письма травмы и попытка высказать невысказываемое, что во многом обуславливает особенности нарратива его художественных текстов.

Термин «нарратив» происходит от латинского корня («narration» – рассказ, повествование). Нарратив выходит за пределы одного знакового комплекса; это семантическое полотно, конструируемое не только текстом и текстовыми инструментами [7]. «Нарративный текст, – пишет М. Бал, – это текст, в котором

некто рассказывает историю с помощью определенных опосредующих средств, таких как язык, изображение, звук, конструкции или их сочетание» [12]. Нарративная организация литературного произведения разворачивается во времени и пространстве, которые, в свою очередь, определяют особенности нарратива, поскольку нарратив – это история, течение которой зависит от пространственно-временных обстоятельств [7].

Нарратив может быть выстроен несколькими способами: в виде непрерывного повествования (сплошной промежуток текста заполняется рассказом одной истории); повествования, встраивающегося в другое повествование (еще одна история рассказывается в рамках уже начатой истории, но начатая история при этом не прерывается); повествования, прерывающего предыдущее повествование (одна история неожиданно замещается другой, то есть первая история неожиданно заканчивается).

Ж. Деррида писал: «То, что нынче требует осмысления, уже не может быть линейной записью, внесенной в книгу [...]. Это несоответствие нельзя назвать современным, но теперь оно выдает себя сильнее, чем когда-либо раньше» [3]. Можно утверждать, что XX век переосмыслил общие нарративные принципы: литература переносит акцент на внутреннее соотношение элементов языковых и смысловых структур, подчиненных ассоциативному принципу изображения и восприятия. В XX веке фрагментарность становится композиционным приемом, выявляющим «сделанность» литературного текста. В. Шкловский в работе «О теории прозы» отмечал: «...искусство основано на ступенчатости и раздробленности даже того, что дано обобщенным и единым» [11]. Р. Барт заявлял: «Писать – значит в известном смысле расчленять мир (или книгу) и затем составлять их заново» [2]. Осколочность, прерывность, фрагментарность повествовательного искусства являются его неотъемлемыми чертами.

В текстах Павла Улитина соединяются подслушанные диалоги и обрывки чужих фраз в виде на первый взгляд разрозненных и не связанных фрагментов, и возникает вопрос, где проходит граница между жизненным опытом писателя и творчеством, между повествованием и формой его выражения: «Я не беру самые важные вещи. Ты знаешь, для чего мы рождены? Знаю. Чтоб сказку сделать былью. Правильный ответ. Я говорил жутко закругленными стилистически отточенными фразами, а мне самому было тошно. Лексика не активизировалась, это всегда бесит» [9]. Это мысленное продолжение недавнего разговора – запоздалый ответ собеседнику, знакомая идея, которая получила новое развитие через какое-то время.

В данной статье мы рассматриваем интертекстуальность литературного произведения как потенциально нарративную категорию: интертекст предполагает наличие цитат и отсылок к другим художественным произведениям и явлениям культуры; включение в общий нарративный дискурс других текстов. Введенный Ю. Кристевой термин «интертекстуальность» имеет множество определений, но в целом исследователями и критиками трактуется схоже: литературный текст рассматривается как встроенное в широкое культурное пространство полотно, в котором непрерывно устанавливаются смысловые связи с другими текстами

и художественными образами: «...каждый текст строится как мозаика цитирований, каждый текст – это приспособление к другим текстам и их трансформация» [5].

В текстах Улитина встречаются как скрытые, так и прямые цитаты; читатель попадает внутрь нарративов из других произведений: «Озадаченность не поможет. If you can trust yourself when all men doubt you, but make allowance for their doubting too (перевод: Когда уверен ты, а все в сомненье, А ты к таким сомненьям терпелив). Закон и кулак, как вас теперь называть? Не пропадет твой скорбный труд в любом случае. Мало, мало. Мало» [10]. Здесь включение цитаты из стихотворения Р. Киплинга «If» объединяется сквозным мотивом озадаченности и сомнения, что является продолжением мысли автора и одновременно примером потока сознания, когда одна мысль произвольно «вытягивает» из сознания человека то, что с ней связано.

Помимо цитат присутствуют и другие интертекстуальные элементы, реминисценции и аллюзии, к которым относятся упоминания заголовков других литературных текстов, фильмов, музыкальных произведений, имена современников автора: актеров и общественных деятелей, близких друзей и просто знакомых. Они погружают читателя в широкий культурный и исторический контекст, формируя «мозаичное», ассоциативно-фрагментарное повествование, где эти элементы как бы нанизываются на общий, объединяющий их смысл: «Что нужно спросить у Ираклия? В одну сторону лет лента ничего. Так и знал, что этим кончится. С некоторых пор он меня все время связывает с женой Олега Е. Вещий Олег и не думал мстить неразумным ХА-зарам. На языке скифов и сарматов Лукоморьем называлось Азовское море. Что-нибудь по-татарски: почему-то он говорит: татарская моя кровь. И Марина Ц. тоже говорила что-то о татарке» [10].

Ассоциативно-фрагментарные принципы построения повествования представлены и дискретностью визуального облика страницы прозаического текста. Визуально-графические приёмы выполняют функцию преодоления ощущаемой модернистами нарративной избыточности классического повествования [8]. Каждая страница книги Павла Улитина представляет собой коллаж из текста и изображений, который сам писатель называл «уклейками». Позже похожий метод был изобретен и описан У. Берроузом, который назвал его cut-up technique. Создание таких коллажей можно объяснить с точки зрения «теории травмы» – личной или исторической – как следствие нежелания высказываться напрямую перед угнетающими институтами. Это своеобразный метод «ускользания». Желание выразиться чужим языком, предпочтение формы содержанию является для Улитина приоритетом. По мысли З. Зиника, «...сама по себе история не важна. Важно, кто ее рассказывает. Сам выбор рассказа, определенного сюжета, манера пересказа говорит больше о человеке, чем сюжетные перипетии...» [4].

Таким образом, к основным особенностям нарратива текстов Павла Улитина можно отнести фрагментарность и раздробленность, свойственную постмодернистской прозе XX века, которая у Улитина приобретает крайнюю форму. Эта фрагментарность находит выражение и в графическом облике текста в виде кол-

лажей, картинок, заметок на полях. Неотъемлемой частью нарратива произведений писателя является интертекстуальность, элементы которой тесно переплетены в потоке сознания и внутренних монологах, они объединены частями общих смыслов и настроений, складываясь, словно мозаика, в одно смысловое и графическое целое.

Библиографический список

1. Айзенберг, М. Учитель без ученика / М. Айзенберг // Знамя. – 2003. – № 2.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989.
3. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. Н. Автономова. – М. : AD Marginem, 2000. – 511 с.
4. Зиник, З. Кочующий четверг / З. Зиник // П. Улитин. Путешествие без Надежды. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 7–42.
5. Кристева, Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Ю. Кристева ; пер. с фр. Э. А. Орловой. – М. : Академический Проект, 2013. – 285 с.
6. Кукулин, И. Фрагментация жизни: проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950–1970-х годов / И. Кукулин // *Autobiografija*. – 2014. – № 3. – С. 129–169.
7. Мозжерина, М. С. Особенности нарративной организации романного творчества Лены Элтанг : дис. ... канд. филол. наук / М. С. Мозжерина. Челябинск, 2022. – 169 с.
8. Семьян, Т. Ф. Исторические этапы визуализации прозаического текста: от монолитности к дискретности / Т. Ф. Семьян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 80. – С. 87–92.
9. Улитин, П. Путешествие без Надежды / П. Улитин. – М. : Новое издательство, 2006. – 208 с.
10. Улитин, П. Разговор о рыбе / П. Улитин. – М. : ОГИ, 2002. – 208 с.
11. Шкловский, В. Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1983.
12. Bal, M. *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative* / M. Bal. – Toronto, 1997.